

Славный день! Веселый день!
Меж домов цветет сирень.
Небосвод — как бирюза.
Солнце прямо бьет в глаза.
Бродит весело народ
И шарманка у ворот.
***

Разошелся старый стул,
Круто ножками взмахнул:
„Как я счастлив! Как я рад!
Не хочу идти назад!
Столько лет я простоял
Между стульев и зеркал,
Но сегодня — чорт возьми! —
Погуляю я с людьми!“

„TISCH UND STUHL“ / „TABLE AND CHAIR“
B. KUSTODIEFF

„Ох, не ходите туда, дети!“
говорила мать. Дети не слу-
шали; нынче поперекат на
травке, заигра поиграют по
муравьям, дальше-дальше, и
забрались на южный двор.
Ведьма чуьем их узнала,
зубами заскрипела; вот она
позвала деточек, наорчала,
напояла и спать уложила, а
там велела разложить огня,
навесить котлы, наточить
ножи.
Легли два братца и заснули —
а заморышка, чтоб не засту-
дить, приваляла мать и па-
машке носить — заморышка то

и не спит, все слышит, все
видит.
Ночью пришла ведьма под
дверь и спрашивает: „Спите
вы, детки, или нет?“ Замо-
рышек отвечает: „Мы спим-не
спим, дума-думаем, что хо-
тят нас всех порезать; огня
кладут каляновы, котлы вы-
снут кипучие, ножи точат ку-
латые!“ „Не спит!“ Ведьма
ушла, походила, походила,
опять под дверь: „Спите,
детки, или нет?“ Заморышек
опять говорит то же: „Мы
спим-не спим, дума-думаем,
что хотят нас всех порезать;

огни кладут каляновы, кот-
лы выснут кипучие, ножи то-
чат кулатые!“
Что же это все один голос?
подумала ведьма, отворила
потихоньку дверь, видит: оба
брата спят крепким сном,
точас обвила их мертвой
рукой — и они померли.
Поутру ведьма точно ловит
деток; детки нейдут. Зачурло
ее сердце, встрепенулась она
и помчала на южный двор.
На южном дворе вела, как
платочки, холодны, как пла-
сточки, лежали братцы рю-
дышком. Кинулась она к ним,

„WEISSES ENTLIN“ / „WHITE DUCKLING“
E. POLENOWA